

**И
ВДРУГ
ТЕБЯ
НЕ
СТАЛО**

Эр Джей Джейкобс

INSPIRIA

Москва
2021

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
Д40

R.J. Jacobs

AND THEN YOU WERE GONE

© 2019 by Robert Raymond Jacobs

Редактор серии Ю. Чернова

Оформление серии Я. Паламарчук

Д40 **Джейкобс, Эр Джей.**
И вдруг тебя не стало / Эр Джей Джейкобс ; [перевод с английского А. В. Пудова]. — Москва : Эксмо, 2021. — 352 с.

ISBN 978-5-04-116134-7

После многолетних попыток взять под контроль свое биполярное расстройство Эмили Файерстоун наконец в норме. Жизнь начинает налаживаться: у нее отличная работа, своя квартира и парень, Паоло, который ее обожает. Когда он предлагает устроить небольшое морское путешествие на выходных, Эмили соглашается: вино, вода и любимый мужчина — что может быть лучше? На следующее утро после отплытия Эмили просыпается — лодка все еще плывет по течению.

А Паоло вдруг не стало.

Он не мог утонуть. С каждой минутой Эмили становится все сложнее сохранять рассудок и оставаться на плаву. Куда исчез Паоло?

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-116134-7

© Пудов А., перевод на русский язык, 2020
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2021

Глава 1

Черные волосы Паоло развевались на ветру и падали на солнечные очки, которые он всегда носил. Как-то раз Паоло признался, что, по его мнению, в них он выглядит как знаменитость: тогда он не смог подобрать правильное слово по-английски и сказал просто — «как в Голливуде». Но потом, когда я дразнила его «мистером Голливудом», Паоло хмурился и обижался, так что я бросила это. Но воспоминание все равно заставило меня улыбнуться. Всю дорогу до озера одна его рука лежала на руле джипа, а вторая — на моей ноге. Это были первые выходные октября, но погода стояла теплая, почти как летом.

— Какая-то ты подозрительная, — произнес он.

— Я?

Я не видела его глаз за темно-серыми стеклами очков.

— Ты... как вы это называете? *Беспокойная*. Ты что-то скрываешь, — дразнил Паоло. Его голос был едва слышен из-за ветра. — Чему ты там улыбаешься?

Я покачала головой и включила радио как раз в тот момент, когда заиграли «Братья Оллман».

— Погоди, это же «Бродяга», да? — Он радовался, что смог вспомнить. — Последняя песня была об

эрекции Боба Сигера. — Он жил в этой стране меньше двух лет, но все схватывал на лету.

Двигатель взревел.

— Тебе понравится эта пристань, Эмили: аккуратные лодочки, ослепительно-белые паруса. Крепко. Все. Крепко, — сказал он, соединив большой и указательный пальцы и поджав губы.

Я громко рассмеялась, закатив глаза, и он это заметил.

— Я думала, ты уже не пытаешься произвести на меня впечатление, — сказала я. — Давным-давно. — В самом начале отношений я бы добавила в голос металла, попыталась бы быть жестче. Но сейчас, через год, я уже не давала себе такого труда.

Паоло покачал головой и улыбнулся.

— Ладно, доктор Файерстоун.

Он сам почти закончил писать докторскую диссертацию, но любил подшучивать надо мной из-за того, что я психолог. Слово оценивать Паоло было моим основным интересом. Он шутливо поднял руки, будто защищаясь.

— Что поделаеть, я люблю красивые вещи. Это не худшее мое качество.

— Может быть, и худшее.

Паоло задумался на секунду дольше, чем я ожидала.

— А какое у меня? — игриво спросила я.

— Ты упрямая, — ответил он. — И думаешь, что можешь все.

— Это две характеристики.

— Ты думаешь, что можешь все. Это хуже всего, — заключил он. — И это первопричина всего остального.

Было неприятно, но сегодняшнее веселье ничто не должно было нарушить. Паоло казался расслабленным — я не видела его таким уже несколько недель.

Если он собрался вытащить меня в открытую воду, то ссориться нам точно не стоило.

Любовь к Паоло напоминала мне езду на полной скорости в джипе с распахнутыми дверями. Весь мир пронеслся мимо, как размытое пятно, но он оставался в фокусе, даже когда я представляла, что падаю на тротуар. Ведь если я упаду, то разобьется только мое сердце, не так ли?

Я взяла телефон. Связи не было. Я попробовала зайти в Интернет, перезагрузив несколько раз страницу. Ничего. Никаких сообщений.

— Сколько еще ехать? — спросила я.

— Что ты там смотришь? — Паоло ответил вопросом на вопрос. — Я гарантирую, беззащитные детишки Теннесси одну ночь переживут без тебя.

— Минуточку. Самый большой трудоголик, которого я знаю, придирается ко мне из-за желания проверить электронную почту? — Я сжала его плечо.

Паоло подмигнул в ответ.

— Хм... Как дела в лаборатории? — спросила я немного погодя. Моя рука переместилась с его плеча к маленьким завиткам над ухом. — Ты даже не говорил о работе на этой неделе.

— Отлично, — сказал Паоло. — Я оставил работу на выходные.

Улыбаясь, я изобразила удивление:

— Ты вообще ничего не собираешься проверять? Ничего, что можно было бы отправить доктору Сильверу? Никаких вопросов, которые не могут подождать до утра?

Паоло взглянул на меня и улыбнулся. Он переключил передачу, и звук двигателя опустился на октаву ниже.

— Все выходные? Даже если тот парень... Как его зовут, он еще постоянно смотрит тебе в рот?

- Мэтт.
- Даже если Мэтт подожжет лабораторию?
- Даже тогда — нет.

На самом деле я скорее изображала удивление. Научный руководитель Паоло по исследованиям, Джей Сильвер, был известен своей преданностью науке. Кажется, этот человек не знал границ между рабочими часами и личным временем: иногда он звонил Паоло по телефону с вопросами или идеями еще до восхода солнца — привычка, которую Паоло оправдывал, убеждая меня, что это все из-за давления грантового финансирования, издательской деятельности, грантов НИИ. Я удивлялась звонкам Сильвера в столь необычные часы, пока не поняла, что Паоло, похоже, не возражает. Кто я такая, чтобы читать лекции о сдержанности и балансе?

Когда Паоло затих, я подумала, что на него давят мысли о работе. С другой стороны, если бы я позволяла себе вспоминать о том, что Паоло рассказал мне про эпидемии, я бы тоже не спала по ночам. Он говорил: дело не в том, разразится ли вообще эпидемия, а в том, когда она возникнет, ведь из-за глобализации вспышка в одном месте может означать вспышку везде. В половине больниц страны в случае серьезной вспышки койки закончатся в течение трех недель.

В среднем вспышка H1-N24 происходила каждые два года — временные рамки, которые, казалось, подпитывали стремление ученых создать вакцину.

Паоло трезво отмечал, что у каждого в лаборатории есть план, куда идти, если начнется эпидемия. У меня же от всего этого глаза на лоб лезли от ужаса. Я не знала, понимает ли он до конца, насколько мне дискомфортно, когда он говорит об эпидемиологии, замечает ли, как я вздрагиваю, или как у меня сводит пальцы, или как наполняются слезами мои глаза, когда

он описывает потенциальное распространение вируса, погубившего моего отца: первого американца, который заразился H1-N24 и умер от него. Центр по контролю и профилактике заболеваний США в Атланте держал его тело целых две недели после того, как его привезли обратно в Штаты.

Я выбросила мысли об отце из головы и сосредоточилась на дороге, по которой мы мчались, и на круглых пурпурных цветах, яркими пятнами проплывающих мимо. Когда Паоло зарабатывался допоздна, я думала о том, как его исследования спасут жизни — не дадут детям лишиться родителей. Это было то, на чем я сосредоточивалась, когда Паоло не отвечал мне часами.

— Что ж, тогда за свободу, — подняла я невидимый бокал шампанского.

Он быстро показал мне большие пальцы.

— Мы почти на месте.

Было похоже, что мы почти на краю света. Только почтовые ящики время от времени отмечали протоптанные подъездные дорожки, которые выплывали из густых кустов.

Джип тряхнуло, и я сложила руки на животе, чтобы подавить подступающую тошноту. Я откинулась на спинку сиденья, медленно вдохнула через нос, задержала дыхание на два счета, пока мои легкие не стали полными, — та же техника расслабления, которой я учила моих пациентов. Должно быть, только любовь заставила меня согласиться провести ночь на яхте на самом большом озере Теннесси.

Я протянула руку к бутылке Паоло из нержавеющей стали, из которой он всегда пил. Но он накрыл мою руку своей, а потом коснулся горла.

— Не пей после меня. У меня горло болит, — пояснил он.

— Ой, ради бога.

— Серьезно, — сказал он. — Я настаиваю. Как твой личный микробиолог.

Я положила руку на сердце.

— Мой *собственный*? Неужели? *Мой личный*? Мне это определенно нравится.

Мы миновали руины дома. Крошащийся кирпич был выкрашен в белый цвет. Крыша обрушилась, будто на нее наступили сверху. Черные пятна краски или пепла — я не могла сказать, чего именно, — окантовывали окна.

— Мы действительно почти приехали? — Я подняла телефон к небу. По-прежнему ничего.

— Ты действительно думаешь, что я не знаю дорогу? — произнес Паоло с усмешкой. Он показал свои кривые зубы, и его лицо стало еще хитрее.

Думаю, мы оба были не уверены.

Краем глаза я видела металлический футляр, в котором лежала его камера.

— Ты уже фотографировал здесь раньше, верно?

Он снова перевел взгляд на дорогу и сбросил скорость, когда мы стали входить в извилистый поворот.

— Прошлой осенью.

Внезапный изгиб дороги застал меня врасплох. Когда дорога вновь стала прямой, Паоло произнес:

— Все цвета отражаются в озере, как в зеркале. Одна сторона реальная, другая — как на картине, будто сделанная крошечными мазками кисти.

Паоло всегда с большим волнением говорил о фотографии. Я представила его с камерой на шее в прошлом году, в его первую осень в Штатах. Бесконечные красные и золотые цвета повсюду. Наивность в его глазах, искреннее удивление.

Дорога сузилась еще сильнее. Шины джипа с правой стороны захрустели по гравию. Мы миновали указатель на пристань. На стоянке машина притормозила,

и у меня возникло ощущение, как будто я целый день каталась на американских горках и еще не ступила обратно на твердую землю.

Но Паоло уже вышел из джипа.

— Идешь?

— Просто немного укачало, — ответила я. — Дай мне две минуты.

— Я возьму лодку, хорошо? Сейчас вернусь.

Тропа вела через лес к пристани. Паоло буквально побежал. Я обошла джип спереди. Меня вырвало, и я полезла в сумочку за жвачкой. Моя рука скользнула по пузырьку с лекарством, которое я на всякий случай привезла с собой.

«Не сейчас, — подумала я. — По крайней мере, доберусь до лодки».

Вслушиваясь в ленивое жужжание вечерних насекомых, я взяла себя в руки. Когда Паоло вернулся, он был сам не свой от восторга.

— Лучше? — спросил он. Я покачала головой.

Паоло нашел тюбик солнцезащитного крема.

— Повернись, — попросил он.

Паоло спустил бретельки моей майки. Солнце припекало мне кожу, и от прохладного солнцезащитного крема меня пробрала дрожь. Своими мягкими руками он водил вверх и вниз по моим плечам, и эти ощущения заставили меня забыть обо всем на свете. Мой желудок успокоился.

— Ты прекрасна, — произнес Паоло.

Я повернула голову.

— Я уже согласилась поехать. Ты ведь понимаешь это, да?

Он игриво рассмеялся, коснувшись кончиками пальцев моих плеч.

Паоло взял холодильник, а я — рюкзак с остальными вещами. На каменистой тропинке к моим санда-

лиям пристал известняк. Плечи Паоло согнулись под тяжестью холодильника, который бил его по спине. Он что-то сказал о том, что все вокруг было когда-то под водой.

Все вокруг.

Внезапно мне захотелось, чтобы Паоло рассказал мне одну из историй о себе и своих братьях. Так он отвлек бы меня, и, возможно, все происходящее показалось бы мне нормальным. Я представила себе их улыбки и загорелые плечи, и как они бродят с тростниковыми удочками по Аргентине. Какая-то часть меня с нетерпением ждала, когда у Паоло появится шанс рассказать о себе, впустить меня в свою жизнь, даже если в этот год я и была все еще единственной, кто говорил о *партнерстве* и *совместной жизни*.

Когда я закидываюсь на чем-то, я плохо понимаю разницу между тем, чего я хочу, и тем, что должно быть. Влюбленность давала мне чувство освобождения, облегчения. Опасность состояла в том, что подобная потеря контроля только усиливала страсть. Мысль о том, что любить его — это ужасная идея, со временем меня оставила, но отдаваться ему полностью все еще казалось по-настоящему глупым. Как я могла не замечать, что он где-то далеко даже в самые наши интимные моменты? Иногда, когда мы заканчивали заниматься любовью, он брал свой телефон и исчезал в другой комнате, оставляя меня одну. Я никогда не видела, чтобы он провожал глазами другую женщину, но что-то мучительное, похожее на ревность, не давало мне покоя. В глубине души я знала, что его сердце принадлежит не только мне.

У меня над губой выступил пот. Я почувствовала вкус солнцезащитного крема. Когда мои сандалии коснулись деревянной палубы, солнце отразилось от воды десятью тысячами свечек. Паоло указал на взятую на-

прокат яхту, и я кивнула. Он взял меня за руку и повел за собой, но обернулся, почувствовав сопротивление.

— Что случилось? — спросил Паоло, теперь уже мягким, понимающим голосом. — Тебя все еще тошнит?

Его пальцы переплелись с моими, а глаза были цвета шоколада.

— Я в порядке, подожди минутку.

— Мы отплывем совсем недалеко, правда.

— Мы сможем вернуться, если я почувствую себя нехорошо?

Паоло засмеялся.

— Конечно, только вот почему ты плохо себя чувствуешь? На яхте тебя не укачает.

Я лишь пожала плечами.

Он говорил так легко и уверенно, а я не собиралась вести себя как ребенок.

— Мы порыбачим ночью, сделаем несколько снимков, насладимся закатом, проснемся вместе. Романтично.

Паоло сложил руки вместе, как будто только что принял решение, и снова зашагал по причалу.

— Мы не поплывем на Кубу. Обещаю! Это идеальное место, и я хочу им поделиться с тобой.

Я тоже этого хотела. Паоло указал на сапфировый горизонт и протянул руку, чтобы помочь мне взобраться на причал. Я подозревала, что меня может снова вырвать, но глубоко вздохнула и расправила плечи.

Напротив ряда раскачивающихся яхт стояли бородатые проводники-рыбаки, пускали дым и обменивались шутками по поводу моих телодвижений. Я слышала щебет птиц, высохшие от солнца доски скрипели под моими ногами. Сосны вокруг озера выглядели так же, как на старинных открытках: величественно, му-

дро — хотя берег был слишком далеко, чтобы толком его разглядеть. Сама яхта оказалась просторнее, чем я ожидала, с прочной стекловолоконной палубой и темно-синими разбросанными подушками. В центре был проем, через который я увидела темный угол простыни.

— Смотри, как красиво, — ободряюще сказал Паоло.

Я, в свою очередь, бесилась от того, что настолько беспомощна, хотя и хотела, чтобы он принял иррациональную часть меня.

— Мне, как и любому нормальному человеку, нравится на все это смотреть, но приближаться к этому мне совсем не нравится.

Я закрыла глаза, почувствовав дурноту.

— Эй, — его голос был легкий, как ветерок. — Все в порядке. Завтра мы вернемся в Нэшвилл и поедem кататься, куда захочешь. — Паоло положил руку на сердце. — Обещаю.

Он мягко развернул меня за плечо, указывая на то место, где, по всей видимости, должно было зайти солнце. Я взглянула на проводников, на голубую дымку вокруг них. Я нервно выкрутила пальцы.

— Если тебе совсем не понравится, мы вернемся. Я и близко не подойду к акулам.

Эти слова меня рассмешили.

— Правда? — сказала я. — А я так надеялась на встречу с акулой.

— В таком случае тебе придется подождать. Надо договориться. Сейчас вернусь, — крикнул Паоло, направляясь к стойке проката. — Никаких акул на этом маршруте. — Его улыбка сверкнула в послеполуденном солнце.

Когда он скрылся из виду, я ступила на белую палубу и сплюнула за борт. Я говорила себе, что погода будет идеальна для плавания, а немного алкоголя

облегчит грызущую боль в животе, отвлечет от чувства беспомощности. Я схватила с вешалки два спасательных жилета и нырнула в каюту, которая, с одной стороны, выглядела удобной, но пахла при этом как лесной палаточный лагерь. Липкие деревянные панели вдоль стен. Матрас, напоминающий кафельный пол. Через иллюминатор я увидела Паоло, машущего проводникам. Я представляла, как мы отправляемся, а на закате вместе бросаем якорь. Мое сердце трепыхалось, как флаг на ветру.

Наверху я проверила телефон. Связи не было. Мысли разбредались в разные стороны, но я пыталась сосредоточиться. Страх оказаться на открытой воде, а точнее, чувство беспомощности, которое ассоциировалось с ним, не должно портить мне жизнь.

Я помогаю людям побеждать страхи. Конечно, я могу помочь и себе. Организовать свое время, сосредоточиться на других вещах, занять себя. Потягивать вино. Я открыла холодильник и опустила руку в лед, в котором лежало наше шардоне. Взглянула на часы. В принципе, мне нельзя было выпивать в течение еще тридцати минут, но была все-таки суббота, поэтому я начала рыться в поисках пластиковых стаканчиков. Мои пальцы нащупали стеклянный цилиндр, вытащили его, ухватились за крышку и повернули. Печать рассыпалась крошечным фейерверком.

Я запила ативан быстрым глотком прохладного вина и налила немного Паоло.

Когда он вернулся, мои ноги уже лежали на перилах, а я смаковала во рту остатки вина, которого себе налила. Небо немного покалывало, и оно онемело. На мне была шкиперская шляпа, которую я нашла в каюте, и спасательный жилет. Паоло цокнул языком, покачал головой и улыбнулся, словно понял, что я приняла таблетку. Вероятно, это было очевидно.